

ИСТОЧНИКИ

DOI:

**ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ МИФОЛОГИЗМ ОСЕТИНСКОЙ СКАЗКИ:
«ДОНБЕТТЫРЫ ЧЫЗДЖЫ РÆСУГЪД ХЪУАЗЫ АРГЪАУ»
(«ДОЧЬ ДОНБЕТТЫРА ПРЕКРАСНАЯ ЛАНЬ»)**

Д.В. Сокаева

Публикуемый текст осетинской сказки представляет переходную стадию развития жанра от мифологической сказки к собственно классической сказке, являясь ярким примером роли образцов народного творчества в развитии осетинского языка и культуры в целом. Российские ученые, посвятившие свои жизни изучению осетинского языка, истории, фольклора (А.М. Шёгрэн, В.Ф. Миллер и др.) и их ученики (Г. Баев, А. Кайтмазов и др.) видели в богатейшем осетинском фольклоре неисчерпаемый ресурс, национальное основание для развития народа. Как в архивном, так и в опубликованном тексте применяется алфавит, разработанный академиком В.Ф. Миллером в 1879 г., он представлял собой усовершенствование системы, предложенной Шёгреном. Текст сказки «Донбеттыры чызджы рæсугъд хъуазы аргъау» («Дочь Донбеттыра красивая лань»), представленный на осетинском языке (иронский диалект), был опубликован Г. Баевым в сборнике фольклорных текстов под названием «Из осетинского фольклора». Отдельный вариант сказки, озаглавленный «Хуыцау уарзон рæсугъд хъуаз» («Любимая Хуыцау прекрасная лань»), с переводом Г. Баева на русский язык, находится на хранении в Научном архиве СОИГСИ в составе дел Г. Баева. В архивном варианте текста отсутствуют сакральные персонажи Донбеттыра и Галагона. Нами рассмотрены особенности структуры текста, составлены примечания, объяснены орфографические принципы публикации текста. Прагматическое значение публикуемого текста в контексте осетинской фольклорной культуры определяется его переходной природой. Он представляет собой соединение мифолого-религиозных представлений традиционных осетинских верований с нарративной моделью волшебной сказки, которая в свою очередь, сохраняя изначальную мифологическую функцию, объясняет мироустройство.

Ключевые слова: осетинский фольклор, мифологическая сказка, волшебная сказка, Г. Баев, мифо-религиозные представления осетин.

Для цитирования: Сокаева Д.В. Пространственный мифологизм осетинской сказки: «Донбеттыры чызджы рæсугъд хъуазы аргъау» («Дочь Донбеттыра прекрасная лань») // Известия СОИГСИ. 2026. Вып. 59 (98). С. 156-167. DOI:

Поступила в редколлегию: 28.02.2026 г.

Принята к публикации: 15.03.2026 г.

Химерический образ женского природного начала, имеющий корни в мифолого-религиозной основе некоторых жанров осетинского фольклора, представлен в сказке «Дочь Донбеттыра красивая лань», которая представляет собой стадию перехода от мифологической сказки к классической волшебной.

Обозначенная переходная стадия характеризуется в данном конкретном случае наличием сакральных образов, то есть в такой сказке они не профанированы (Хуыцау, Донбеттыр, Галагон). Сакральные образы мифолого-религиозного пантеона традиционных верований осетин¹ выполняют в такой сказке функцию сакральных помощников, но они также могут быть пассивны, являться обозначителями различных пространственных зон [1, 46-47]. По сравнению с мифом повествование в мифологической сказке более развернутое и драматичное. Сказка говорит о решении насущных проблем человека, героя сказки, а не, например, этиологических задач.

Текст «Донбеттыры чызджы рæсугъд хъуазы аргъау» («Дочь Донбеттыра красивая лань» на осетинском языке (иронском диалекте) опубликован Г. Баевым² [2, 57-62] в сборнике текстов фольклора, состоящем из сказок о животных, новеллистических сказок и волшебных сказок под названием «Из осетинского фольклора» и изданном без указания издательства и года. Текст этой же сказки с другим названием «Хуыцау уарзон рæсугъд хъуаз» и с переводом Г. Баева на русский язык («Любимица Бога прекрасная лань») и указанием на то, что его исполнил Махо Каболов в августе 1892 г., хранится в Научном архиве СОИГСИ вместе с другими материалами Г. Баева [3, 20об.-28]. В архивном варианте текста нет сакральных образов Донбеттыра и Галагона, прекрасная лань просто находится в море. При чтении перевода Г. Баева этой сказки становится очевидным, что первоначально он перевел слово *хъуаз* как «лебедь», но затем исправил на «лань». Можно видеть еще ряд менее существенных расхождений с опубликованным текстом сказки.

В НА СОИГСИ есть также другие фольклорные материалы, собранные Г. Баевым: «Æмбисæндтæ, уци-уцитæ («Пословицы, загадки») [4]; «Разные рукописи Г. Баева и других лиц. Зарджытæ (Песни)», «Ругательные выражения, пожелания, клятвенные выражения и др.» [5].

Для настоящей публикации нами сохранены особенности речи рассказчика Махо Каболова, они первоначально сохранены Г. Баевым и в архивном, и в опубликованном вариантах сказки. Эти слова выделены курсивом, при их произношении произошло стяжение гласных звуков: *дорттæ* (*дуæрттæ*), *цог* (*цæуæг*), *æрбацод* (*æрбацæуæд*).

Слово *Хуыцау* изменено на *Хуыцау*, изменено написание личных местоимений: *ин* > *йын*, *ун* > *уын*, *ул* > *уыл*. Также орфография оригинала приведена в соответствии с современной орфографией осетинского языка.

Стоит отметить, что в обоих представленных текстах – архивном и опубликованном – используется алфавит, разработанный академиком В.Ф. Миллером³ в 1879 г. Этот алфавит являлся развитием системы академика А.М. Шёгрена⁴. Культурный подъем Осетии, начавшийся в пореформенный период (строительство школ, появление светской литературы, в том числе произведений Коста Хетагурова), способствовал широкому распространению алфавита Шёгрена-Миллера и его становлению в качестве основы единой национальной письменности [6, 146-154].

Гаппо Баев вел оживленную переписку с В.Ф. Миллером во время создания его работы «Die Sprache der Osseten» («Язык осетин») [7] в период с 1901 по 1906 гг. В.Ф. Миллер активно переписывался со многими своими учениками, давал им бесценные консультации по сбору осетинского фольклора; результатом этой деятельности стало большое количество публикаций текстов фольклора и этнографических записей таких осетинских просветителей, как братья Гацыра, Джантемира, Гуыцыра Шанаевых, Алмахсида Канукова, Соломона Туккаева, Константина и Михаила Гардановых, Инала Собиева, Саввы Кокиева, Алексия Гатуева и многих других [8, 26-27].

Если мы зададимся целью охарактеризовать прагматическое значение этого текста в целом в фольклорной культуре осетин, то увидим, что он представляет собой результат взаимодействия в сознании рассказчика мифолого-религиозных представлений традиционных верований осетин и повествовательной структуры волшебной сказки, сохранившей мифологическую функцию объяснения устройства мира.

Сакральный фон данной сказки формируется с самого начала повествования присутствием Хуыцау. В рамках мифологической сказочной парадигмы волшебство может быть обусловлено как верховной волей Хуыцау, так и действиями субординированных покровителей. Мы выдвигаем гипотезу, что осетинские сказки, где чудеса инициируются волей Хуыцау, реализуют подготовительный этап перехода к классическому сказочному волшебству. Интеграция в женском образе атрибутов небесной, земной и морской сфер позволяет рассказчику транслировать детальную дескрипцию сказочного пространства: посредством стабильной атрибутивной характеристики в начале повествования, а во втором ходе сказки Прекрасная Лань по воле Хуыцау превращается в простого человека. Конфликт между отцом героини, девушки-лани, Донбеттыром, и ангелами (*зæдтимаæ*)⁵ является дополнительным подтверждением ее «трехсферной» природы.

Краткое содержание сказки: Дочь князя говорит нелюбимому ей сыну князя: «Отправляйся к морю и добудь себе в жены Любимую Хуыцау Прекрасную Лань». В дороге ему помогают встреченные случайно три вещи сестры: младшая, средняя, старшая. Старшая из них указывает герою путь к Прекрасной лани и правила обращения к ней. Ему удается получить в жены Прекрасную лань. На обратном пути на молодоженов и молочного брата юноши покушаются три ангела, которым девушка не досталась в жены. Они произносят пророчества, о которых нельзя никому рассказывать, иначе окаменеешь; но их слышит молочный брат героя, который спасает героя и его невесту. Герой не может объяснить действия молочного брата и подозревает его в нечистых побуждениях. Молочный брат произносит пророчества ангелов и окаменеет. С помощью волшебной камышовой плети жена героя оживляет воспитателя.

Анализируемую сказку можно считать оригинальной разработкой сюжета 313 А, В, С СУС, АТУ. Сказка содержит два хода: в первом ходе герой заручается поддержкой вещей сестер – младшая находится в поле под землей, средняя – тоже в поле под землей, старшая – на берегу моря. Старшая сестра Старушка (старшая сестра), объясняя герою, как добыть девушку-лань, уточняет: «не дотрагивайся до левого крыла прекрасной лани, бери ее за правое». Сказочный запрет вводит нас непосредственно в сферу обрядовой практики осетин, не изжившей себя до сих пор. Например, как пишет Р.Г. Туаев об актуальной на сегодняшний день осетинской обрядовой традиции, «семь правых ребер с лопаткой и плечевой частью жертвенного животного (æвдасарм) также являются священными частями... Еще одна ритуальная часть жертвенного животного – правая лопатка (уæн), которую кладут на голову и шею. Она символизирует изобилие... В старину в завершение застолья второй старший (дыккаг хистæр) очищал от мяса правую баранью лопатку... лопатка предназначалась для гадания» [9, 175-176].

Указание на необходимость ритуального обращения героя с девушкой-ланью в системе волшебной сказки является знаком особой сакральности объекта в «жанровом» (а именно мифологическом) прошлом. Второй ход сказки – собственно завоевание Прекрасной лани героем; ему не приходится совершать подвиги или решать трудные задачи, характерные для классической волшебной сказки, – достаточно следовать совету старшей сестры, живущей на берегу моря.

При появлении девушки-лани дует сильный ветер (от крыльев) и идет сильный дождь (слезы). Описание девушки-лани с крыльями из моря во многом повторяет описание орлицы осетинской волшебной сказки, традиционно представленное в мотиве спасения героем птенцов-орлят от змеи за что мать-орлица выносит героя из подземелья на свет. Осетинам в прошлом был знаком сакральный образ, ведающий сильными ветрами, ураганами – Удахсин (*Уадахсин*), букв. «госпожа, повелительница ветров». (*уад* – ветер, ураган+*æхсин* – госпожа) [10, 397]. О том, что героиня находится в полной власти Хуыцау, свидетельствует ее обращение к нему: «Теперь, поскольку ты отдал меня человеку, преврати меня тоже в человека».

Но в сказке есть третий ход – на обратном пути герой и его молочный брат должны одолеть трех ангелов (*задтаæ*).

Как Дочь Донбеттыра Прекрасная лань коррелирует с Дзерассой осетинского нартовского эпоса, тем более что в сказании «Ахснарт и его дети» яблоко нартов ворует олень, а не птица, как в большинстве вариантов: «Настала ночь. Братья засели в середине сада и стали ждать вора. В полночь видят они: скачет олень. Вскочил он в сад и стал топтать траву, ломать деревья и, как только олень хотел выскочить из сада, пустили в него стрелы» (Зап. А. Кайтмазов) [11, 27; 12, 5]. Далее сюжет о яблоне нартов развивается традиционно, Ахснарт относит кусочки тела раненого оленя в подводное царство, находит девушку-оленья и излечивает ее.

ДОНБЕТТЫРТЫ ЧЫЗДЖЫ РÆСУГЪД ХЪУАЗЫ АРГЪАУ

Раджы-ма раджы иу æлдар æмæ æхсинæн чызг уыдис, иннæ æлдарæн æмæ æхсинæн та лæппу уыдис. Лæппу чызджы бирæ уарзта, фæлæ йæ чызг нæ уарзта.

Æртæ хатты дзырдкъахæн ныхæстæ йын лæппу фæкодта, æртыккаг хатт чызг ын нал ныббарста æмæ йыл йæ мады æмæ йæ фыды сардыдта.

Уыдон ын загътой:

– Ацы хатт ма йын афтæ зæгъ: «*Мæммæ* æнхъæлмæ ма кæс, æз дæ нæ уарзын, мæ уд мæ бар у, – фæлæ кæд афтæ æлдары фырт дæ, уæд ацу æмæ зæронд Донбеттыры чызджы, Хуыцау уарзон рæсугъд хъуазы усæн дæхицæн æрхæс!».

Чызг сæ иууылдæр лæппуйæн афтæтæ загъта, æнхъæл нæ уыди, æрхæсдзæн æй, уый. Лæппу сæрра ис, йæхиуыл *дорттæ* сæхгæдта, иу *цог* дæр йæхимæ нал уагъта. Йæ хæстæг, йæ хицон æм цыдысты æмæ йæ фарстой – «цы кæныс?», никамæн лæвардта дзуапп.

Куы нал æй уагътой, уæд загъта:

– Уæдæ ме ‘мцег æфсымæр *æрбацод!* Æрбацыди йе æмцег æфсымæр, æмæ йын загъта:

– Æлдары чызг мын афтæ кæм загъта, уым æз мæ фыды фырт нæ уыдзынæн, мæхицæн йæ фыддæрагæнæн Донбеттыры чызджы, Хуыцау уарзон хъуазы усæн куы нæ æрхæссон, кæнæ уæдæ мæхи амардзынæн!

Æмцег æфсымæр йæ мадмæ æмæ йæ фыдмæ бацыди æмæ сын загъта:

– Уæ иунаг æнхъæлцау афтæ зæгъы: «Кæнæ мын мæхи марын хъæуы, кæнæ мын рæсугъд хъуазы ссарын хъæуы!»

Æрдиаг фæкодтой æлдар æмæ æхсин, фæлæ гæнæн куы нал уыди, уæд æй афæдзы балцы сцæттæ кодтой.

Рараст ысты йæ æмцег æфсымæримæ. Бон дæр цæугæ, æхсæв дæр цæугæ, афтæмæй авд мæйы фæцыдысты æмæ иу быдыры æрынцадысты. Уыцы быдыры иу хуынкъæй зæххы бынæй фæздæг цыди. Бакастысты хуынкъæй мидæмæ, касынц, æмæ иу ус рæбынæй бады.

Ныццыдысты йæм æмæ йын загътой:

– О, æна, æна, мах дæ мад, дæ фыды уазæг!

– Æна, æна кæй загътат, уымæй уæхи сарæзтат, ацæут æмæ та фæздæгæй м’астæуккаг хойы дæр ацы быдыры ссарут!

Ацыдысты, æмæ дыккаг хомæ бацыдысты, уый дæр сæ хорзæй рарвыста æмæ загъта:

– Нæ хистæр хо уын фæндаг бацамондзæн, фæндараст фæут!

Хистæр хо царди денджызмæ хæстæг, бацыдысты йæм, сæхи йæ уазæг бакодтой.

Ус сын загъта:

– Ай уын денджызмæ фæндаг, рæсугъд хъуаз куы æрцæйтæха, уæд уыл стыр уад æрцæудзæн, æмæ ма-иу фæтæрсут... уый фæстæ уыл ахæм тæгъды зæй æрцæудзæн, æмæ æмбисонд: уый уыдзæн рæсугъд хъуазы цæссыг... денджызы былыл уæхи бамбæхсут, ды, æмцег æфсымæр, æвналгæ йæм ма бакæн, ды та, æлдары фырт, дæхи бахъав, æмæ рæсугъд хъуазæн йæ галиу базырмæ ма бавнал, фæлæ рахизыл ныххæц!

Рæсугъд хъуаз денджызы сæртыл хъазгæ-хъазгæ æрбацæйцыди. Хуыцау æй лæппуйы размæ æрбахаста, уый йæ фелвæста йæхимæ йæ рахиз базырыл. Рараст ысты æртæ иумæ сæ хæдзармæ. Фæндагыл рæсугъд хъуаз скуывта:

– Хуыцау, хæххон удмæ мæ кæм радтай, уым мæ хæххон уд фестын кæ!

Æвиппайды сæ разы фестадис диссаг рæсугъд чызг, нарæгастæу, гуырвидауц, – æмæ загъта æлдары фыртæн:

– Ныр мæ фистæгæй куыд кæныс, худинаг нæу?!

Стæй дымгæты хицаумæ – Галæгонмæ ахъæр кодта, æмæ уыцы сахат сæ разы фестадис хæдтулгæ уæрдон, чындздзон дзаумæттæй дзаг, абадтысты йыл, æмæ дымгæйы базыртыл атахтысты.

Фæндагыл иу быдыры æрынцадысты, æхсæв уæрдоны æрхуыссыдысты. Чызг æмæ лæппу бафынæй сты, æмцег æфсымæр та сæ хъахъхъæнгæ кодта.

Æмбисæхсæвы æртæ зæды æртахтысты, уæрдоныл æрбадтысты æмæ дзырдтой кæрæдзимæ:

– Ацы рæсугъд мах къухмæ куы нæ бафтыди, уæд æй хæххон лæг куыд хæссы, адоныл тæрхон хъуамæ скæнæм н ’æппæт дæр!

Зæронд Донбеттыримæ дæр хæцыдысты, – «амæн æй цæмæн радта, зæдты мыггагæй йæ курджыгæ куы уыди».

Æртæ зæдæй сæ хистæр загъта:

– Адон сæ бæстæм хъуамæ фыдбылызимæ æрцауой! Йæ хæстæджытæ, йæ мад, йæ фыд сæ размæ куы *рацой* цин кæнынмæ, уæд лæппу дæр йæ бæхыл хъазын байдайдзæн, æмæ йæ топп дзæгъæл гæрах *фод*, куыд-иу æрбамаела! Ныр мæ тæрхонмæ чи хъусы æмæ йæ чи схъæр кæна, уый цавддур фестæд йæ уæрджытæй дæләмæ!

Астæуккаг зæд загъта:

– Чи зоны, кæд Хуыцау уыцы тæрхон н ’айса, уæд йæ уаты фæсдуар ахæм залиаг калм фестæд, иу ныхъуыр д сæ чи акæна! Чи мæм хъусы æмæ чи ской кæна мæ тæрхон, уый цавддур фестæд йæ астæуæй дæләмæ!

Кæстæр зæд загъта:

– Чи зоны, кæд *смах* тæрхон н ’айса Хуыцау, æз ын ног тæрхон кæнын – уыцы дыууæ тæрхонæй куы аирвæза, уæд йæ дзыккуты ахæм хæрам хъис фестæд, æмæ сæ дыууæйы хурхы æмæргæвст чи æрбакæна! Мæ тæрхон чи схъæр кæна, уымæн йæ сæры астæу цъæх дур фестæд!

Уыцы ныхæстæ фехъуыста æмцег æфсымæр æмæ йæхи сифтонг кодта.

Сæ хъæумæ куы æрцайцыдысты, уæд лæппу йæ хæстæджыты раз бæхыл топпæй хъазынмæ хъавыди.

Æмцег æфсымæр йын загъта:

– Ацы адæм дæуыл цин кæм кæнынц, уым дæхæдæг лæуу æнцæд æмæ сын арфæ кæ!

Æмæ йын йæ топп йæ къухæй айста, афтæмæй йæ иу раны фервæзын кодта.

Сæ хæдзармæ куы бацыдысты, уæд æмцег æфсымæр загъта:

– Уæ уатмæ мæ разæй ауадзут!

Уатмæ разæй бацыди æмæ фæсдуар æрлæууыди. Чызг æмæ лæппу куыд мидæгдæр цыдысты сæ уаты, афтæ фæсдуары зæхх æнкъуысын байдыдта, æвиппайды иу хуынкъæй залиаг калм рагæпп ласта, æмцег æфсымæр хъандзал кардæй æрриуыгъта, æмæ калмæн йæ сæр æрцъыкк ласта.

Стæй изæры бинонтæн бамбарын кодта:

– Æз æгас аз адоны тыххæй фæфыдæбон кодтон, æмæ мæ сæ уаты æхсæв ныуадзут?

Баззади æмбæхст уаты уым, чызг æмæ лæппу йын ницы базыдтой. Куы афынæй сты, уæд хъис æфсæйнаг цæг фестадис, сæ хæр-хæр ссыдис, æмцег æфсымæр алманийы кардæй йæ æрбалыг кодта.

Чызг æмæ лæппу ницы базыдтой уыцы хъуыддæгтæй.

Налат кæм не сты адæм – æмцег æфсымæр уаты кæй фæцис уыцы æхсæв, уый адам кодтой.

Æлдары фырт æмцег æфсымæры æрфарста:

- Кæм мæ фæхъахъхъæдтай, уым уыцы æхсæв куыд бацыдтæ мæ уатмæ?
- Ма мæ фæрс ацы хъуыддагæй, фæсмон фæкæндзынæ, – загъта æмцег æфсымæр.

Нал æй уагъта æлдары фырт:

- Фæчъизи мæ кодтай, адæмы æхсæн мæ цæсгом ма куыд равдисдзынæн!..

Гæнæн куы нал уыди, уæд ын загъта:

- Æппæты разæй дæ топп дæ къухæй кæм райстон, уыцы быдырмае цом!

Акодта йæ уырдаем æмæ йын уым зæдты тæрхон радзырдта. Хистæр зæды тæрхон куы радзырдта, уæд уæраджы сæртæй дæлæмæ цавддур фæцис. Астæуккаг зæды тæрхон куы радзырдта, уæд йæ астæуæй дæлæмæ цавддур фæцис. Кæстæры тæрхон куы радзырдта, уæд йæ сæры астæуæй цавддур фæцис.

Лæппу кæугæ-кæугæ ныццудис сæ хæдзармæ, йæ сæр ехсы дыдагъæй хойгæйæ, æмæ йæ усæн загъта:

- Ме 'фсымæры куы фесæфтон, кæм ма йæ ссарон!

– Мæ фыд мæ дæумæ радта сыгъдæгæй, ныр мæ фæчъизи кодтай, адæмы ныхæстæм хъусын фыдбылыз у!

Аздæхта йæ фæстæмæ, хъамыл ехс æм радта æмæ загъта:

– Ацу, æмæ йæ алфæмбылай æртæ зылды æркæн, стæй Хуыцаумæ скув, уый фæстæ йын ацы ехсæй æртæ цæфы ныккæн, æмæ дæ фæдыл рараст уыдзæн.

Ацыдис, йæ рæсугъд ус ын куыд загъта, афтæ бакодта, æмæ æмцег æфсымæр йемæ æрцыдис сæ хæдзармæ.

Цæрын дын байдыдтой кæрæдзи уарзгæйæ. Уыдон рæсугъд цардæй бацæрут сымах дæр.

СКАЗКА О ДОЧЕРИ ДОНБЕТТЫРА ПРЕКРАСНОЙ ЛАНИ

У князя и княгини была дочь. У другого князя и княгини был сын. Юноша очень сильно любил девушку, но девушка его не любила. Три раза пытался юноша вынудить девушку сказать ему правду, и на третий раз девушка не выдержала и рассказала все родителям. Родители посоветовали ответить юноше так:

– У нас с тобой ничего не получится, я тебя не люблю. Если ты княжеский сын, то отправляйся к морю и добудь себе в жены дочь старого Донбеттыра, Любимую Хуыцау Прекрасную Лань.

Девушка так и сказала юноше, не надеясь на то, что он ее добудет. Юноша опечалился, закрыл на себя двери и никого не пускал. Родственники и близкие приходили к нему и спрашивали его, в чем дело. Юноша никому ничего не отвечал, но когда его совсем стали донимать, он послал за своим молочным братом.

Пришел молочный брат⁶ и сказал:

- Если ты хочешь оставить мне свое имущество, то послушай моего совета.

Юноша ответил:

– Я не могу не выполнить задания княжеской дочери. Если я не добуду себе в жены Любимую Хуыцау Прекрасную Лань, я убью себя.

Молочный брат передал сказанное родителям юноши, они собрали сына для годичного балца⁷. С юношей отправилось много людей и молочный брат. Пройдя значительную часть пути, сопровождающие юношу люди решили вернуться, и юноша отправил их обратно с напутствиями. С юношей остался только молочный брат.

Юноша с молочным братом шли день и ночь, так они шли семь месяцев и остановились в одном поле. В поле из одного отверстия в земле шел дым. Путники заглянули

в отверстие, там, в углу сидела одна женщина. Юноша и молочный брат спустились под землю и обратились к женщине:

– О, мать, мать, мы – твои гости.

– Если бы вы не обратились ко мне «мать, мать», вам бы не поздоровилось.

Женщина сделала путникам из того, что Хуыцау послал, ужин, затем сказала им:

– Идите и по дыму найдете в этом поле мою среднюю сестру.

Юноша и его молочный брат отправились в путь и по дыму нашли среднюю сестру женщины. Она тоже очень хорошо их встретила и затем отправила их к своей старшей сестре.

Старшая сестра жила у моря, она угостила юношу и его молочного брата вкусной едой и указала путь к морю, говоря при этом напутственные слова:

– Когда будет лететь Любимая Хуыцау Прекрасная Лань, начнется сильный ветер – не пугайтесь. Затем на вас обрушится огромная лавина – это слезы Прекрасной Лани. Спрячьтесь на берегу моря! Ты, молочный брат, не дотрагивайся до нее. А ты, княжеский сын, пробираясь по берегу моря, не дотрагивайся до левого крыла, только до правого.

Прекрасная Лань по поверхности моря, играючи, приближалась, Хуыцау привел ее прямо к юноше, он взял Прекрасную Лань за правое крыло.

Отправились они вместе: юноша, Прекрасная Лань и его молочный брат. Пройдя значительную часть пути, Прекрасная Лань взмолилась Хуыцау:

– Если ты отдал меня горной душе, сделай и меня горной душой.

В этот же час Прекрасная Лань превратилась в очень красивую женщину и сказала княжескому сыну:

– Ты собираешься вести меня пешком, что ты намерен делать?

Жена юноши крикнула хозяину ветров Галагону⁸, и а тот же миг перед ними оказалась самокатящаяся повозка, полная свадебных подарков. Путники зашли в дом женщины, живущей у моря. Они также посетили двух других сестер. Все три женщины пожелали им счастья.

Через некоторое время они остановились в одном поле и остались там, в повозке, на ночь. Юноша с женой заснули, молочный брат их охраняет. Прилетели три ангела, сели на повозку и стали сокрушаться:

– Она не досталась нам, как же ее увозит горец. Не свершим над ними суд, будет несправедливо.

Ангелы ругались и с отцом Прекрасной Лани Донбеттыром из-за произошедшего.

Старший из трех ангелов произнес:

– Чтобы они приехали в свою страну с горем. Родственники радостно выйдут их встречать, юноша тоже будет очень радоваться, его ружье случайно выстрелит, и юноша умрет от шальной пули. Кто сейчас слышит меня и проговорится, тот да окаменеет ниже колен.

Средний ангел произнес:

– Кто знает, если Хуыцау не примет первое решение, то пусть в спальне юноши за дверью возникнет залиг калм⁹ и проглотит их. Кто сейчас слышит меня и проговорится, тот да окаменеет.

Младший ангел произнес:

– Кто знает, если ваши решения Хуыцау не примет, то пусть в волосах юноши появится такая щетина, которая задушит обоих. Кто меня сейчас слышит и проговорится, тот да окаменеет с середины головы.

Молочный брат услышал решения ангелов. Подъезжая к селу, юноша начал джигитовать на коне и играть ружьем.

Молочный брат сказал юноше:

– Эти люди радуются тебе, веди себя спокойно и поприветствуй их.

Молочный брат взял у юноши ружье – спас его в первый раз. Затем они добрались до дома, и молочный брат попросил у юноши зайти в спальню, встал за дверью. Юноша и его жена были уже почти в центре спальни, как за дверью закачалась земля, неожиданно из образовавшейся дыры выскочил залиаг калм, молочный брат нанес ему удары стальным ножом и отрубил залиаг калм голову, вечером воспитатель объявил семье:

– Целый год я старался ради благополучия молодых, и поэтому разрешите мне остаться в спальне на эту ночь.

Молочный брат остался в спальне, юноша и его жена об этом не знали. Как только молодые заснули, в железное кольцо превратилась щетина, железное кольцо чуть не задушило молодых, воспитатель успел разрезать кольцо алмазным ножом. Юноша и его жена ничего не узнали. Но люди коварны. То, что молочный брат находился в спальне в ту ночь, они грязно истолковали.

Княжеский сын спросил молочного брата:

– Где ты меня охранял, как ты очутился в моей спальне.

– Ни спрашивай меня об этом, – сказал молочный брат.

Княжеский сын не оставлял воспитателя без ответа:

– Ты меня опозорил, как я покажу свое лицо людям.

Княжеский сын не унимался, и тогда молочный брат повел его в поле, на место, где взял у юноши ружье, в поле молочный брат рассказал ему о разговоре трех ангелов. Как только молочный брат произнес слова старшего ангела, он окаменел ниже колен. Как только молочный брат произнес слова среднего ангела, он окаменел от пояса. Как только молочный брат произнес слова младшего ангела, он окаменел от середины головы.

Юноша, плача и избивая себя плетью¹⁰, добрался до дома и сказал своей жене:

– Я погубил своего брата, где я теперь его найду?!

– Отец доверил меня тебе, ты же меня опозорил, зачем ты слушал людей?

Жена отправила юношу обратно, дав ему камышовую плеть:

– Иди, обойди окаменевшего молочного брата три раза, помолись Хуыцау, после этого ударь его камышовой плетью три раза, и он пойдет за тобой.

Юноша последовал совету Прекрасной Лани, молочный брат ожил.

Молодые зажили, любя друг друга.

Примечания:

1. Мифо-религиозные представления осетин являют собой стройную иерархическую систему сакральных образов, покровителей различных сфер влияния, главой которой является Верховный сакральный образ Хуыцау – абсолют, создавший Вселенную и все, что есть на Земле.

2. Гаппо Баев (Георгий Васильевич Баев) (1869–1939) – видный государственный и общественный деятель Осетии, юрист, фольклорист, градоначальник г. Владикавказа (1902–1907). Он записывал и публиковал тексты фольклора, представляющие на данный момент большую ценность: среди этих текстов есть уникальные. Например, «Легенда “Иунаджи кадаг”» («Сказание об Одиноком»), записанная в конце XIX в. Г.В. Баевым и опубликованная в 1895 г. на страницах газеты «Северный Кавказ» с пометкой «Очерк из жизни осетин». Текст легенды представляет собой ценный источник по изучению особенностей этно-религиозных представлений осетин, свидетельствующий о процессе

постепенной религиозно-мировоззренческой эволюции общественного сознания народа Осетии на рубеже XIX–XX вв., что является предметом нашего изучения» [13, 925].

3. Всеволод Федорович Миллер (1869–1939) – выдающийся ученый, действительный член Петербургской академии наук, представитель исторической школы русской фольклористики, в том числе, осетиновед, внесший огромный вклад в изучение языка, фольклора, истории, археологии, этнографии осетинского народа. Его основными трудами по осетиноведению являются «Осетинские этюды», «Осетинско-русско-немецкий словарь. Т. I–III», «Язык осетин» и др. В.Ф. Миллер основал академическую школу по изучению языка, фольклора, истории осетин.

4. Андрей Михайлович Шёгрэн (1794–1855) – «одинарный академик по Историко-филологическому отделению (филология и этнография финских и кавказских народов в России) той же Академии наук, составивший первую научную грамматику осетинского языка и положивший начало изучению языков ряда других народов Северного Кавказа» [14, 3]

5. Ангелы (*зæдтæ*) – считаем пояснение в скобках обязательным, так как, скорее всего значения этих двух слов не совпадают ввиду того, что относятся к разным религиозным традициям. Слово «ангел» относится к богословским терминам авраамических религий, тогда как осетинское слово *зæдтæ* употребляется в связке *зæдтæ æма дауджытæ*; этим словосочетанием обозначаются, по В.И. Абаеву, сверхъестественные силы, помогающие человеку: «*Izæd* и *idawæg* можно с уверенностью возводить к древнеиранскому и рассматривать как наследие дохристианской религии алан. *Izæd* возводится к древнеиранскому *yazata-* 'божество', а *idawæg* к *vi-tavaka-* и означает буквально 'сила, носитель силы' от древнеиранского *tav-* 'быть сильным'. Стало быть, парное сочетание *izædtæ æma idawgutæ* означает буквально 'боги и силы' [15, 105].

6. Молочный брат – *æмцег æфсымæр*, усыновленный брат, у народов Северного Кавказа такой брат приравнивается к родному.

7. *Балц* это не просто путешествие, это военный поход. Как пишет А.Р. Чочиев, «вступление в брак делало обязательным участие в балцах («военных походах») – это считалось наивысшим почетом для молодежи и она делала все возможное для приобретения этого права» [16, 67].

8. Галагон (*Галæгон*) – покровитель ветров в мифо-религиозных традиционных представлениях осетин.

9. *Залиаг калм* – огненный змей; также змей, который преграждает дорогу к воде (в нартовском эпосе осетин).

10. Выражение крайней степени горя.

Пер. с осет. Д.В. Сокаевой

1. Мелетинский Е.М. От мифа к литературе. М.: РГГУ, 2001. 168 с.

2. Баев Гаппо. Из осетинского фольклора. [Б.и., б.г.]. 71 с.

3. Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева (НА СОИГСИ). Ф. «Фольклор». Оп. 1. П. 75. Д. 32-1.

4. *Æмбисæндтæ*, *уци-уцитæ* (Пословицы, загадки) // НА СОИГСИ. Ф. «Фольклор». Оп. 1. П. 75. Д. 32-2. (на осет. яз.)

5. Разные рукописи Г. Баева и других лиц. *Зарджытæ* (песни). Ругательные выражения, пожелания, клятвенные выражения и др. // НА СОИГСИ. Ф. «Фольклор». Оп. 1. П. 75. Д. 32-3, 4, 5.

6. Исаев М.И. Языковое строительство в СССР. М.: Наука, 1979. 351 с.
7. Миллер В. Язык осетин. М.-Л.: АН СССР, 1962. 190 с.
8. Туаллагов А.А. Всеволод Федорович Миллер и осетиноведение. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2010. 433 с
9. Туаев Р.Г. Обычаи осетин. Владикавказ: Респект, 2016. 349 с.
10. Собиев Инал. Боги, святые и святыни Осетии, которые в Осетии чтились и чтутся // НА СОИГСИ. Д. 67. П.11.
11. Нарты. Осетинский героический эпос в трех книгах. М.: Наука, 1989. Кн. 2. 492 с.
12. Сказания о нартах. Сост. А. Кайтмазов // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. 1889. Вып. VII. Отд. 2. С. 3-36.
13. Кцоева С.Г. Религиозные особенности этнической традиции осетин в условиях общественных модернизаций конца XIX – начала XX в. (по данным фольклорной легенды «Сказание об Одиноком») // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 4. С. 922–937.
14. Алиева А.И. Введение // Основоположник российского академического кавказоведения академик Андрей Михайлович Шёгрэн: Исследование. Тексты. М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 3-9.
15. Абаев В.И. Дохристианская религия алан // Избранные труды. Религия. Фольклор. Литература. Владикавказ: Ир, 1990. С. 102-114.
16. Чочиев А.Р. Очерки истории социальной культуры осетин. Цхинвали: Ирыстон, 1985. 288 с.

Sokaeva, Diana V. – V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies (Vladikavkaz, Russia); i@socdial.ru

THE SPATIAL MYTHOLOGISM OF THE OSSETIAN FAIRY TALE: “DONBETTYRY CHYZDZHY RÆSUG’D KH’UAZY ARG’AU” (“DONBETTYR’S DAUGHTER, THE BEAUTIFUL DOE”).

Keywords: Ossetian folklore, mythological tale, fairy tale, G. Baev, Ossetian mythological and religious beliefs.

The published text of the Ossetian folktale represents a transitional stage in the genre’s development from the mythological tale to the classical folktale proper, serving as a striking example of the role of folklore in the development of the Ossetian language and culture as a whole. Russian scholars who dedicated their lives to the study of the Ossetian language, history, and folklore (A.M. Sjogren, V.F. Miller, and others) and their students (G. Baev, A. Kaitmazov, and others) saw in the rich Ossetian folklore an inexhaustible resource, a national foundation for the development of the people. Both the archival and published texts employ the alphabet developed by Academician V.F. Miller in 1879; it represented an improvement on the system proposed by Sjogren. The text of the fairy tale “Donbettyr’s Daughter, the Beautiful Doe,” presented in Ossetian (Iron dialect), was published by G. Baev in a collection of folklore texts entitled “From Ossetian Folklore.” A separate version of the tale, entitled “Khuytsau Uarzon Ræsug’ð Khuaz” (“Khuytsau’s Beloved, the Beautiful Doe”), with G. Baev’s translation into Russian, is stored in the Scientific Archive of the State Institute of Geography and Sociology (SOIGSI) as part of G. Baev’s files. The sacred characters of Donbettyr and Galagon are missing from the archival version of the text. We have examined the structural features of the text, compiled notes, and explained the orthographic principles of its publication. The pragmatic significance of the published text in the context of Ossetian folklore culture is determined by its transitional nature. It represents a combination of the mythological and religious concepts of traditional Ossetian beliefs with the narrative model of the fairy tale, which, in turn, while preserving its original mythological function, explains the structure of the world.

For citation: Sokaeva, D.V. *The spatial mythologism of the Ossetian fairy tale: "Donbettyry chyzdzyh ræsug'ð kh'uazy arg'au"* ("Donbettyr's daughter, the Beautiful Doe") // *Izvestiya SOIGSI*. 2026. Iss. 59 (98). Pp. 156-167. (in Russian). DOI:

References

1. Meletinsky, E.M. *Ot mifa k literature* [From myth to literature]. Moscow, Russian State University for the Humanities 2001. 168 p.
2. Baev, Gappo. *Iz osetinskogo fol'klora* [From Ossetian folklore]. [N.p., n.d.]. 71 p.
3. *Nauchnyi arkhiv Severo-Osetinskogo instituta gumanitarnykh i sotsial'nykh issledovaniy (NA SOIGSI)* [Scientific archive of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies (SA NOIHSS)]. Fund "Folklore". Inventory 1. File 75. Case 32-1.
4. *Poslovitsy, zagadki* [Proverbs, riddles]. NA SOIGSI [SA NOIHSS]. Fund "Folklore". Inventory 1. File 75. Case 32-2. (In Ossetian).
5. *Raznye rukopisi G. Baeva i drugikh lits. Zardzhytæ (Pesni). Rugatel'nye vyrazheniya, pozhelaniya, klyatvennye vyrazheniya i dr.* [Various manuscripts of G. Baev and other persons. Zarjytæ (songs). Abusive expressions, wishes, oath expressions, etc.] NA SOIGSI [SA NOIHSS]. Fund "Folklore". Inventory 1. File 75. Case 32-3, 4, 5.
6. Isaev, M.I. *Iazykovoe stroitel'stvo v SSSR* [Language construction in the USSR]. Moscow, Nauka, 1979. 351 p.
7. Miller, V. *Yazyk osetin* [Ossetian language]. Moscow-Leningrad, USSR Academy of Sciences, 1962. 190 p.
8. Tuallagov, A.A. *Vsevolod Fedorovich Miller i osetinovedenie* [Vsevolod Fedorovich Miller and Ossetian studies]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2010. 433 p.
9. Tuaeov, R.G. *Obychai osetin* [Ossetian customs]. Vladikavkaz, Respekt, 2016. 349 p.
10. Sobiev, Inal. *Bogi, svyatye i svyatyni Osetii, kotorye v Osetii chtilis' i chtutsya* [Gods, Saints, and Shrines of Ossetia, Which Were and Are Revered in Ossetia]. NA SOIGSI [SA NOIHSS]. Fund "Folklore". Inventory 1. File 11. Case 67.
11. *Narty. Osetinskii geroicheskii epos v trekh knigakh* [Narts. Ossetian Heroic Epic in Three Books]. Moscow, Nauka, 1989, book 2. 492 p.
12. Kaitmazov, A. (comp.). *Skazaniya o nartakh* [Tales of the Narts]. *Sbornik materialov dlia opisaniia mestnostei i plemen Kavkaza* [Collection of materials for describing the localities and tribes of the Caucasus]. 1889, iss. VII, part 2, pp. 3-36.
13. Ktsoeva, S.G. *Religioznye osobennosti etnicheskoi traditsii osetin v usloviyakh obshchestvennykh modernizatsii kontsa XIX – nachala XX v. (po dannym fol'klornoj legendy "Skazanie ob Odinokom")* [Religious features of the ethnic tradition of the Ossetians in the conditions of social modernization of the late 19th and early 20th centuries, according to the folklore legend "The Tale of the Lonely"]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii* [RUDN Journal of Russian History]. 2019, vol. 18, no. 4, pp. 922–937.
14. Alieva, A.I. *Vvedenie* [Introduction]. *Osnovopolozhnik rossiiskogo akademicheskogo kavkazovedeniya akademik Andrei Mikhailovich Shegren: Issledovanie. Teksty* [The Founder of Russian Academic Caucasian Studies, Academician Andrei Mikhailovich Shögren: Research. Texts]. Moscow, Institute of World Literature, 2010, pp. 3-9.
15. Abaev, V.I. *Dokhristianskaya religiya alan* [Pre-Christian religion of the Alans]. *Izbrannye trudy. Religiia. Fol'klor. Literatura* [Selected Works. Religion. Folklore. Literature]. Vladikavkaz, Ir, 1990, pp. 102-114.
16. Chochiev, A.R. *Ocherki istorii sotsialnoi kul'tury osetin* [Essays on the history of the social culture of the Ossetians]. Tskhinvali, Iryston, 1985. 288 p.